

– ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ –

УДК 130.2

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2026-3-123-133>

Оригинальная научная статья

Философские основания управления культурным разнообразием

А. С. Саввинов, А. А. Корякина*

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ *koryakina1@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется проблема управления культурным разнообразием в современных полиэтничных обществах, приобретающая особую остроту в условиях глобализации, интенсивной миграции и роста этнического плюрализма. Автор рассматривает эволюцию теоретических подходов – от классического мультикультурализма, ориентированного на сохранение культурных границ, к интеркультурализму, делающему акцент на взаимодействии и диалоге, а также к российской концепции поликультурализма и новой парадигме «управления культурным разнообразием», смещающей фокус с конфликтов на кооперацию и адаптационные механизмы. Обосновывается необходимость многоуровневой модели интеграционной политики, включающей макроуровень (государственное законодательство, антидискриминационные меры, политическое представительство и институциональные рамки), мезоуровень (региональные и муниципальные практики, создание публичных пространств для диалога, адаптация социальных услуг) и микроуровень (институты гражданского общества, межличностное взаимодействие, цифровые платформы, формирующие новые каналы коммуникации). Особое внимание уделяется российскому контексту. Исследование выявляет смещение конфликтов с вертикальной плоскости «центр – регионы» в горизонтальную плоскость межгрупповых отношений в городах, что требует новых подходов к городской политике. Среди ключевых проблем выделяются: напряжение между признанием культурных различий и социальной справедливостью, рассогласованность уровней власти, скрытая ассимиляция под видом культурной чувствительности. На основе сравнительного анализа международного опыта и российского опыта формулируются философские основания эффективной интеграции, базирующиеся на диалогическом универсализме, взаимном признании и превращении культурных различий из барьера в ресурс общественного развития. Делается вывод о перспективности концепции управления культурным разнообразием, ориентированной на кооперацию, гражданское участие и институциональную гибкость, что открывает возможности для выработки адаптивных интеграционных стратегий в условиях современного «суперразнообразия».

Ключевые слова: межкультурная интеграция, культурное разнообразие, управление культурным разнообразием, мультикультурализм, интеркультурализм, политические механизмы, российская национальная политика, диалог культур, полиэтничное общество, социальная солидарность.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Саввинов А. С., Корякина А. А. Философские основания управления культурным разнообразием. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2026; 43 (3): С. 123-133. DOI: 10.25587/2587-5604-2026-3-123-133

Original article

Philosophical foundations of cultural diversity management

*Andrei S. Savvinov, Anzhelina A. Koriakina**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ *koryakina1@gmail.com

Abstract

This article analyzes the problem of managing cultural diversity in modern multiethnic societies, that is becoming particularly acute in the context of globalization, intensive migration, and the growth of ethnic pluralism. The author examines the evolution of theoretical approaches – from classical multiculturalism, focused on preserving cultural boundaries, to interculturalism, emphasizing interaction and dialogue, as well as to the Russian concept of polyculturalism and the new paradigm of «cultural diversity management», that shifts the focus from conflict to cooperation and adaptation mechanisms. The article substantiates the need for a multi-level model of integration policy, including the macrolevel (government legislation, anti-discrimination measures, political representation, and institutional frameworks), the mesolevel (regional and municipal practices, the creation of public spaces for dialogue, the adaptation of social services), and the microlevel (civil society institutions, interpersonal interaction, digital platforms that form new communication channels). Particular attention is paid to the Russian context. The study reveals a shift in conflicts from the vertical «center-regions» plane to the horizontal plane of intergroup relations in cities, that requires new approaches to urban policy. Key issues include the tension between the recognition of cultural differences and social justice, the lack of coordination between levels of government, hidden assimilation under the guise of cultural sensitivity. Based on a comparative analysis of international experience and Russian practices, philosophical foundations for effective integration are formulated, based on dialogic universalism, mutual recognition, and the transformation of cultural differences from a barrier into a resource for social development. A conclusion is drawn about the potential of a cultural diversity management concept focused on cooperation, civic participation, and institutional flexibility, opening up opportunities for developing adaptive integration strategies in the context of today's «superdiversity».

Keywords: intercultural integration, cultural diversity, cultural diversity management, multiculturalism, interculturalism, political mechanisms, Russian nationalities policy, dialogue of cultures, multiethnic society, social solidarity

Funding: The study did not have financial support.

For citation: Savvinov A.S., Koriakina A. A. Philosophical foundations of cultural diversity management. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2026: 43 (3): Pp. 123-133. DOI: 10.25587/2587-5604-2026-3-123-133

Введение

Вопрос о том, как сегодня управлять культурным разнообразием, вышел далеко за рамки академических дискуссий и превратился в одну из самых насущных задач для любого государства. Глобализация, рост миграции, усложнение этнической и религиозной карты – всё это заставляет социально-политические системы искать новые, более тонкие способы встраивать разные культурные сообщества в общее социальное и политическое поле. Прежние модели обнаруживают свою несостоятельность, тогда как цена институциональных ошибок в этой сфере неизмеримо возрастает. За этой коллизией скрывается фундаментальный философский вопрос о природе социального единства в условиях множественности.

В своей работе мы ставим цель сформулировать философские основания эффективной интеграции. Для этого необходимо разобраться, какие именно инструменты управления культурным разнообразием существуют сегодня, как они работают и что можно улучшить.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляет комплексный подход. Исследование опирается на принципы системности, историзма и междисциплинарности, что позволяет рассматривать межкультурную интеграцию не как изолированный феномен, а как сложный многоуровневый процесс, включённый в широкий социально-политический контекст.

В качестве материалов использованы классические и современные философские и политологические труды по проблемам мультикультурализма, интеркультурализма и управления разнообразием, а также результаты эмпирических исследований российских и зарубежных учёных, посвящённых региональным и городским политикам интеграции.

Основными методами выступили сравнительно-сопоставительный анализ и исторический метод. Они позволили выявить сходства и различия между теоретическими моделями, а также проследить за эволюцией теоретических подходов от ассимиляции до современных парадигм.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим, что означает «единство» в условиях множественности. Ещё Платон в «Государстве» размышлял о том, что идеальное полисное единство достигается не через нивелирование различий, а через гармоничное соподчинение частей целому, где каждый выполняет свою функцию [1]. Аристотель в «Политике» пошёл дальше, утверждая, что государство есть сообщество свободных и равных граждан, но при этом оно немыслимо без многообразия сословий и занятий [2]. Эта античная диалектика единого и многого задаёт координаты, в которых до сих пор движется политическая философия. Кант же в своих антропологических трудах подчёркивал, что человеческий род предназначен к тому, чтобы развивать все свои природные задатки – а это возможно лишь в условиях многообразия культур и их взаимного обмена [3].

Таким образом, культурное разнообразие оказывается не случайным препятствием на пути к единству, а онтологическим условием самого человеческого бытия.

За последние полвека политическая мысль наработала несколько вариантов того, как нужно относиться к культурным различиям. Самой влиятельной долгое время была модель мультикультурализма, которая, в самом грубом приближении, исходит из того, что культурные, расовые и этнические особенности меньшинств заслуживают не просто терпимости, а официального признания и поддержки со стороны государства [4]. Соответственно, меньшинствам гарантировались особые права, помощь в сохранении языка, традиций, школ – всё, что позволяло им не терять своей самобытности в инородном окружении.

Философский фундамент мультикультурализма был заложен в работах Чарльза Тейлора, который в эссе «Политика признания» аргументировал, что идентичность формируется диалогически – в признании или непризнании со стороны значимых Других [5]. Отсюда вытекает, что государство не может оставаться нейтральным к культурным запросам меньшинств, ибо игнорирование их идентичности наносит ущерб их достоинству. Однако Тейлор столкнулся с критикой со стороны универсалистов (вроде Хабермаса), которые опасались, что политика признания ведёт к фрагментации публичной сферы и подрыву гражданской солидарности. Хабермас предложил альтернативу – «конституционный патриотизм», где единство общества обеспечивается не общностью этнокультуры, а общей приверженностью демократическим процедурам и правам человека [6]. Этот спор между коммунитаристами и либералами остаётся неразрешённым и по сей день, но он высвечивает главную философскую дилемму интеграции: как совместить коллективное право на культурное своеобразие с индивидуальным правом на автономию?

Однако к началу XXI века этот подход начал вызывать всё больше нареканий. В Европе его критиковали за то, что он не только не помог решить интеграционные проблемы, но и усугубил их – особенно в тех случаях, когда культурные ценности вступали в явное противоречие с либеральными нормами. Сложился даже устойчивый дискурс о «конце мультикультурализма» – он возник в 2000-х как реакция на серию политических заявлений и академических статей, где ставился под сомнение сам принцип групповых прав [4]. Оппоненты указывали, что мультикультурализм на деле искусственно законсервировал традиционные общинные структуры и тем самым мешал отдельным людям интегрироваться в гражданское общество [7].

В ответ на эту критику была разработана концепция интеркультурализма. Поворотным моментом можно считать 2008 год, когда Совет Европы принял «Белую книгу по межкультурному диалогу» – в ней интеркультурализм был предложен как новый руководящий принцип. В отличие от мультикультурализма, который делает ставку на сосуществование различных культур, интеркультурализм делает акцент на их взаимодействие, диалог и взаимное обогащение. Причём если мультикультурализм чаще всего закреплён в законах и политике на общегосударственном уровне, то интеркультурализм сосредоточен на том, что происходит в повседневной жизни – в школах, по соседству, в учреждениях соцзащиты [4].

С философской точки зрения интеркультурализм опирается на герменевтическую традицию, где понимание другого возможно только через «слияние горизонтов» и через диалогическую встречу, в которой каждый участник рискует своими предубеждениями. Мартин Бубер в своей философии диалога различал два типа отношения: «Я-Ты» (подлинная встреча) и «Я-Оно» (объективирующее отношение). Применительно к межкультурной интеграции это означает, что эффективный диалог возможен лишь тогда, когда мы перестаём рассматривать другую культуру как объект изучения или управления, а вступаем с ней в субъект-субъектное взаимодействие [8]. Однако такая установка требует не только открытости, но и критической рефлексии над собственными культурными основаниями, что сближает интеркультурализм с постколониальной критикой и проектом «деколонизации знания».

В России тоже сложилась своя традиция. Здесь чаще говорят о поликультурализме, который, по мнению многих экспертов, лучше отвечает местным реалиям [7]. Поликультурализм не стремится сохранять культурные границы любой ценой; он предлагает строить единое культурное пространство, внутри которого сохраняется всё многообразие. На законодательном уровне эта идея закреплена и в Конституции, и в Концепции государственной национальной политики – за всеми народами признаются равные права на участие в жизни общенационального сообщества [9].

Отдельного внимания заслуживает подход, который в российской политологии называют «управлением культурным разнообразием» (УКР). Его активно развивает Э. А. Паин, предлагая сместить фокус с анализа конфликтов на изучение того, почему конфликты не возникают и как работают механизмы взаимного приспособления. При этом важной новацией стало представление о городе как объекте и субъекте национальной политики [10].

Здесь уместно вспомнить мысль Эммануэля Левинаса о том, что подлинная этика начинается с признания лица Другого, которое требует от нас ответственности, а не просто терпимости [11]. УКР в этом смысле можно интерпретировать как попытку институционализировать такую ответственность на городском уровне, где «лицо» мигранта или представителя меньшинства перестаёт быть абстракцией, а становится конкретным соседом, коллегой, участником локального сообщества. Это движение от «политики идентичности» к «политике соседства» имеет глубокие корни в философии повседневности.

Если посмотреть на реальный опыт, становится очевидно, что эффективное управление разнообразием невозможно без слаженной работы на нескольких уровнях сразу. Одно дело – декларации на федеральном уровне, совсем другое – то, как они воплощаются в конкретном городе или квартале. Исследования показывают, что результативная политика требует координации усилий на микроуровне (сообщество), городском уровне и общегосударственном уровне [12].

На макроуровне главную роль играют, во-первых, законодательные акты – конституционное признание меньшинств, законы о национальной политике, которые переопределяют само понятие гражданства [12]. Во-вторых, это антидискриминационные нормы и политика равных возможностей. Национальные механизмы борьбы с дискриминацией просто необходимы, чтобы гарантировать равенство перед законом [12]. Опыт показывает, что там, где правоприменение хромает или законы работают избирательно, даже самые благие намерения остаются пустыми декларациями. В частности, социальная инклюзивность часто наталкивается именно на слабость правовых институтов, тогда как в развитых странах эти механизмы отлажены лучше [13].

Здесь философская проблема состоит в том, что равенство перед законом (формальное равенство) не всегда ведёт к фактическому равенству возможностей. Джон Ролз в своей теории справедливости ввёл принцип различия, согласно которому социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы приносить наибольшую пользу наименее обеспеченным [14]. Применительно к культурным меньшинствам это означает, что простое недопущение дискриминации недостаточно – необходимы позитивные меры, компенсирующие стартовые неравенства. Однако такие меры сталкиваются с вопросом: как определить «наименее обеспеченную» группу и не приведёт ли это к новой стигматизации? Гегелевская диалектика господина и раба, переосмысленная в постколониальной теории, напоминает, что признание всегда есть борьба, и оно никогда не даётся раз и навсегда [15].

Третий важный момент – создание устойчивых структур, которые обеспечивают постоянный диалог между этническими группами и их участие в политической жизни. Как подчёркивают казахстанские и российские исследователи, институционализация межэтнического взаимодействия – это не разовая акция, а долгосрочная работа, которая укрепляет социальную стабильность [16]. Сюда же относится и политическое представительство: чтобы голоса меньшинств были слышны, они должны быть представлены в парламенте, партиях, СМИ, полиции и других ключевых институтах [12].

На региональном и муниципальном уровне картина становится более гибкой и конкретной. Здесь важны муниципальное признание разнообразия и предоставление инклюзивных услуг, то есть такие городские политики, которые учитывают нужды разных групп [13]. Не менее значимо создание публичных пространств – мест, где люди разных культур могут встречаться, общаться, совместно проводить время. Европейский опыт программы «Интеркультурные города» показывает, что такие площадки реально работают на доверие и солидарность. Также на местном уровне должно быть обеспечено представительство меньшинств в советах, школах, культурных центрах – и, конечно, налажен постоянный диалог между властью, НКО и этническими сообществами [12].

Что касается уровня локальных сообществ и гражданского общества, здесь ключевые механизмы – это, во-первых, социальное принятие разнообразия, то есть повседневный опыт инклюзивной культуры. Во-вторых, активная адвокация равенства: общественные организации должны противостоять расизму, дискриминации и продвигать межкультурное

взаимодействие [17]. Наконец, важно, чтобы меньшинства были представлены в местных инициативах и событиях – не как «приглашённые гости», а как полноправные участники.

На микроуровне вступает в силу то, что можно назвать «этикой повседневности». Здесь философские идеи Ханны Арендт о публичном пространстве как пространстве явления и действия приобретают реальное измерение [18]. Когда соседи, представители разных культур, собираются на субботник или праздник, они не просто выполняют формальные процедуры, они творят общий мир, в котором каждый может проявить себя. Это та житейская мудрость, которая не поддаётся алгоритмизации, но требует постоянного ситуативного суждения.

Отдельно стоит сказать о цифровой среде. Исследователи справедливо обращают внимание, что интернет и социальные сети создают совершенно новые каналы для межкультурного общения, которые политические системы не могут игнорировать, если хотят сохранять стабильность [19]. Цифровые платформы позволяют общаться напрямую, минуя бюрократические и территориальные барьеры, и это открывает как новые возможности, так и новые риски.

С философской точки зрения цифровое пространство порождает новый тип «виртуального публичного поля», где идентичности становятся текучими, а культурные границы – проницаемыми. Однако, как предупреждал Жан Бодрийяр, симуляция рискует заместить реальность, и межкультурный диалог в сети может остаться лишь игрой в «другого», не затрагивая глубинных структур повседневной жизни [20]. Поэтому цифровые инициативы должны быть дополнены реальными встречами, иначе они рискуют превратиться в декоративные практики.

Россия за свою историю накопила колоссальный опыт сосуществования разных народов, и сегодняшняя политика во многом опирается на эту традицию. Не случайно в экспертном сообществе и в официальном дискурсе с 1990-х годов утвердилась идея российской гражданской нации как полиэтничного и поликультурного проекта. Её последовательно продвигает, в частности, В. А. Тишков, видя в этом основу для общероссийской идентичности [21].

При этом региональные подходы заметно различаются. Например, в Мордовии сложилась модель, которую исследователи называют мультикультурной и интеграционной: она одновременно встраивает республику в общероссийское пространство и поддерживает связи с международным финно-угорским миром [9]. В Татарстане же, по мнению ряда авторов, региональная политика строится не на заимствовании западных моделей, а на советском понимании этноса как объективной данности – своего рода «стихийный примордиализм», когда этничность воспринимается как нечто наследственное и неизменное [9].

Исследование под руководством Э. А. Паина в трёх российских городах (Пермь, Уфа, Ростов-на-Дону) выявило любопытную тенденцию. За постсоветские годы напряжение между республиками и федеральным центром по вопросу суверенитета заметно снизилось, зато участились конфликты «горизонтальные» – между разными группами внутри городов [10]. Это говорит о том, что старая модель управления, ориентированная на отношения «центр – регион», уже не отвечает новым вызовам, и нужно смещать фокус на городские сообщества.

Сравнение с Казахстаном показывает, что у обеих стран есть удачные примеры институционализации межэтнического диалога – созданные структуры работают и позволяют снимать напряжение [16]. Однако универсального решения нет, и каждая страна ищет свой путь.

При всём многообразии наработанного опыта, реализация интеграционной политики сталкивается с целым рядом трудностей.

Прежде всего, эти трудности носят не только практический, но и экзистенциальный характер. Культурное разнообразие ставит под вопрос привычные нарративы о национальной идентичности, порождая «онтологическую незащищённость» – чувство утраты привычного мира. Философы-экзистенциалисты описывали подобное состояние как кризис, который, однако, может стать источником подлинного самоопределения. Применительно к обществу это означает, что столкновение с «чужим» может быть продуктивным, если оно переживается не как угроза, а как вызов к само-переосмыслению.

Первая и, пожалуй, главная проблема – это вечное напряжение между уважением к культурным различиям и требованием социальной справедливости. Исследования подтверждают, что успех стратегий напрямую зависит от инклюзивности и открытости власти, но в реальности соблюсти баланс чрезвычайно сложно [16].

Это напряжение воспроизводит классическую антиномию кантовской философии: между автономией личности и гетерономией традиции. Кант настаивал на том, что каждый человек должен мыслить самостоятельно, не полагаясь на внешние авторитеты [3]. Однако для многих культурных групп автономия понимается не как индивидуальное решение, а как коллективное самоопределение. Сейла Бенхабиб предложила различать «культурные права» и «права личности», утверждая, что они не должны конфликтовать, если культуры сами уважают базовые свободы [22]. Её модель «комплексного культурного диалога» предполагает, что никакая культурная традиция не может претендовать на монополию истины, и все они должны быть открыты к пересмотру в публичной дискуссии.

Вторая проблема – координация между разными уровнями власти. На бумаге всё выглядит стройно, но на деле федеральный центр часто стремится к централизации, а регионы – к сохранению своих особых полномочий. Это порождает рассогласование: в то время как центр пытается унифицировать этнокультурную политику, субъекты Федерации настаивают на поддержке своего многообразия [9].

Третье – сохраняющаяся дискриминация и экономическое неравенство. Даже в тех странах, где достигнут значительный прогресс в интеграции мигрантов, они по-прежнему сталкиваются с исключением из рынка труда, жилья, образования [17]. Эти барьеры подрывают любые усилия по налаживанию межкультурного диалога.

Четвёртое – скрытое противоречие между культурной чувствительностью и ассимиляционными ожиданиями. Изучая шведский опыт, исследователи обнаружили, что работники социальных служб, декларируя уважение к культуре клиентов-мигрантов, на деле часто используют этот подход как способ «подогнать» их под доминирующие нормы. Культурная чувствительность и ассимиляция идут рука об руку, а не противостоят друг другу [4].

Здесь уместно вспомнить критику Мишеля Фуко о том, что власть всегда производит знание, и даже самый гуманный опыт может служить механизмом дисциплинирования [23]. Подлинное освобождение, по Фуко, возможно лишь через постоянное сопротивление нормализации, через поиск новых форм субъективации.

Наконец, пятое – политизация этничности. В некоторых регионах поддержка этнических групп оборачивается тем, что этнические границы становятся жёстче, а у местных элит появляется соблазн играть на национальных чувствах электората. Это создаёт долгосрочные риски.

С точки зрения философии политики, это пример того, как «идентичность» становится товаром в политическом обмене. Эрик Хобсбаум называл такой опыт «изобретением тра-

диции» – когда прошлое конструируется для обслуживания текущих политических целей [24]. Истинная интеграция, напротив, предполагает, что культурная идентичность не есть застывшая субстанция, а процесс непрерывного переосмысления, в котором каждый человек может свободно выбирать свою принадлежность.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что ни одна из известных моделей не даёт сегодня исчерпывающих ответов. Успешная политика должна быть многоуровневой: она обязана сочетать общегосударственные рамки, региональную и муниципальную гибкость и активность низовых сообществ. И все эти уровни должны работать в связке.

Философский вывод, к которому мы приходим, состоит в том, что межкультурная интеграция – это не просто техническая задача, но фундаментальный этический проект. Он требует от нас пересмотра базовых категорий политической философии: суверенитет, гражданин, народ, культура. Вслед за Кантом мы можем утверждать, что подлинное единство достигается не через отказ от многообразия, а через его организацию по принципу всеобщего законодательства, где каждая культура признаётся в своей конечности и одновременно в своей причастности к общечеловеческому разуму [3]. Это не означает растворения особенностей в абстрактном универсализме, а предполагает их взаимное ограничение и обогащение через диалог.

Ключевые элементы такой политики – это законодательное признание различий, антидискриминационные меры, реальное политическое представительство меньшинств, создание открытых общественных пространств и поддержка гражданских инициатив. И всё это – без единой универсальной формулы, потому что каждый случай уникален.

Как учил Гегель, всеобщее не существует вне особенного, и истина конкретна. Поэтому универсальные принципы прав человека и демократии должны каждый раз заново применяться к конкретному историческому и культурному контексту, проходя через «снятие» частного в общем [15]. Российский опыт показывает, что такое «снятие» возможно, когда власть и общество вместе ищут новые формы солидарности, не отрицая культурных различий, но и не абсолютизируя их.

Для России, с её многовековым опытом совместного проживания, особенно важно развивать диалоговые механизмы – между государством, наукой, религиозными организациями и обществом. Необходимо не просто гасить конфликты, а учиться управлять кооперацией, видеть в многообразии потенциал, а не угрозу. Концепция «управления культурным разнообразием», которая смещает акцент на городской уровень и гражданское участие, представляется здесь одним из самых перспективных направлений.

В конечном счёте, всё упирается в одно: способны ли наши институты превратить культурные различия из источника разделения в ресурс развития. Это требует не только политической воли, но и постоянного диалога, готовности экспериментировать и учиться на чужих ошибках. И если такой подход будет последовательно проводиться, у межкультурной интеграции в России есть все шансы стать повседневной реальностью.

Литература

1. Платон. *Государство*. Москва: Академический проект; 2022: 398.
2. Аристотель. *Политика*. Москва: Азбука; 2024: 352.
3. Кант И. *Антропология с прагматической точки зрения*. Москва: URSS; 2024: 200.
4. Spehar A. Governing Diversity at the Frontline: The Dual Logics of Cultural Sensitivity and Assimilation in Sweden. *Nordic Welfare Research*. 2025;10(4):1-16. (in English).

5. Taylor Ch. *Multiculturalism and "The Politics of Recognition"*. Princeton: Princeton University Press; 1992: 92. (in English).
6. Habermas J. *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. Cambridge: Polity Press; 2005: 352. (in English).
7. Бязрова Д. Б., Тедеева В. К. Мультикультурализм и поликультурализм как модели оптимизации межэтнического общения. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022; 1:158-162.
8. Бубер М. *Я и Ты*. Москва: АСТ; 2024: 192.
9. Богатова О. А., Долгаева Е. И. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений. *Регионоведение*. 2011; 1:196-210.
10. Панин Э. А. Управление культурным разнообразием: исторические модели и современная практика в сфере регулирования этнополитических отношений. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017; 4:77-102.
11. Левинас Э. *Избранное. Тотальность и бесконечное*. Москва: Университетская книга; 2000: 416.
12. Mansouri F., Elias A. Pluralist diversity governance: deepening the multiculturalism-interculturalism nexus. *Comparative Migration Studies*. 2025;13(23):1-19. (in English).
13. Abbas H.S.M., Xu X., Zhang L. Multi-Ethnic Integration for Social Inclusiveness: State Strategies for Sustainable Development and Well-Being in the Global North and South. *Sustainable Development*. 2025;33(6):1-18. (in English).
14. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Москва: Ленанд; 2017: 536.
15. Гегель Г. В.Ф. *Феноменология духа*. Москва: АСТ; 2021: 180.
16. Nechaeva E.L. Kayupova F.M. Communication strategies in multi-ethnic societies: a comparative analysis of the approaches of Kazakhstan and Russia. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science*. 2025;151(2):9-21. (in English).
17. Sehgal R., Soni S. Local Government Approaches to Migrant Integration, Multiculturalism, and Social Cohesion in Urban Areas. *Lex localis. Journal of Local Self-Government*. 2025;23(S1):190-194. (in English).
18. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетей; 2000: 437.
19. Гаджиев Х. А. Межкультурный диалог в цифровом пространстве как фактор социально-политической стабильности. *Социально-политические науки*. 2023;13(4):49-54.
20. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Москва: Постум; 2015: 241.
21. Тишков В. А. *Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг.* Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета; 2011:232.
22. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton University Press; 2002: 280. (in English).
23. Фуко М. *Дисциплинарная власть*. М.: Ad Marginem; 1999: 480.
24. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. *Вестник Евразии*. 2000; 1: 47–62.

References

1. Platon. *Republic*. Moscow: Academic Project; 2022:398 (in Russian).
2. Aristotel'. *Politics*. Moscow: Azbooka; 2024:352 (in Russian).
3. Kant I. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Moscow: URSS; 2024:200 (in Russian).
4. Spehar A. Governing Diversity at the Frontline: The Dual Logics of Cultural Sensitivity and Assimilation in Sweden. *Nordic Welfare Research*. 2025;10(4):1–16.
5. Taylor Ch. *Multiculturalism and "The Politics of Recognition"*. Princeton: Princeton University Press; 1992:92.
6. Habermas J. *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. Cambridge: Polity Press; 2005:352.
7. Byazrova D.B., Tedeewa V.K. Multiculturalism and Polyculturalism as Models for Optimizing Interethnic Communication. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;1:158–162 (in Russian).
8. Buber M. *I and You*. Moscow: AST; 2024:192 (in Russian).

9. Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. Ethnocultural Policy in the Region: Integration of Institutional Factors in the Formation of Interethnic Relations. *Russian Journal of Regional Studies*. 2011;1:196–210 (in Russian).
10. Pain E.A. Managing Cultural Diversity: Historical Models and Contemporary Practice in the Regulation of Ethnopolitical Relations. *Public Administration Issues*. 2017;4:77–102 (in Russian).
11. Levinas E. *Totality and Infinity*. Moscow: University press; 2000:416 (in Russian).
12. Mansouri F., Elias A. Pluralist diversity governance: deepening the multiculturalism-interculturalism nexus. *Comparative Migration Studies*. 2025;13(23):1–19.
13. Abbas H.S.M., Xu X., Zhang L. Multi-Ethnic Integration for Social Inclusiveness: State Strategies for Sustainable Development and Well-Being in the Global North and South. *Sustainable Development*. 2025; 33(6):1–18.
14. Rawls J. *A Theory of Justice*. Moscow: Lenand; 2017:536 (in Russian).
15. Hegel G.W.F. *Phenomenology of Spirit*. Moscow: AST Publishers; 2021: 180. (in Russian).
16. Nechaeva E.L., Kayupova F.M. Communication strategies in multi-ethnic societies: a comparative analysis of the approaches of Kazakhstan and Russia. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science*. 2025;151(2):9–21.
17. Sehgal R., Soni S. Local Government Approaches to Migrant Integration, Multiculturalism, and Social Cohesion in Urban Areas. *Lex localis. Journal of Local Self-Government*. 2025; 23(S1):190–194.
18. Arendt H. *Vita Activa, or On Active Life*. Saint Petersburg: Aletheia; 2000: 437 (in Russian).
19. Gadzhiev Kh.A. Intercultural Dialogue in the Digital Space as a Factor of Socio-Political Stability. *Sociopolitical Sciences*. 2023;13(4):49–54 (in Russian).
20. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Moscow: Postum; 2015:241 (in Russian).
21. Tishkov V.A. *Unity in Diversity: Publications from the Journal "Etnopanorama" 1999–2011*. Orenburg: Publishing Center of the Orenburg State Agrarian University; 2011:232 (in Russian).
22. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton University Press; 2002:280.
23. Foucault M. *Disciplinary Power*. Moscow: Ad Marginem; 1999:480 (in Russian).
24. Hobsbawm E. The Invention of Tradition. *Acta Eurasica*. 2000;1:47–62 (in Russian).

Сведения об авторах

САВВИНОВ Андрей Саввич – д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: savvinov.andrey888@gmail.com

КОРЯКИНА Анжелика Анатольевна – к. филос. н., доцент кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6657-6019, ResearcherID: H-1384-2015, Scopus Author ID: 57208190201, SPIN: 9646-4855, e-mail: koryakinal@gmail.com

Information about the authors

SAVVINOV Andrey Savvich – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: savvinov.andrey888@gmail.com

KORIAKINA Anzhelina Anatolievna – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6657-6019, ResearcherID: H-1384-2015, Scopus Author ID: 57208190201, SPIN: 9646-4855, e-mail: koryakinal@gmail.com

Конфликт интересов

Один из авторов – Саввинов Андрей Саввич – является членом редакционного совета журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy» и не участвовал в редакционной рецензии этой статьи. Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Conflict of interests

One of the authors, Andrey Savvich Savvinov, is a member of the editorial board of the journal “Vestnik of North-Eastern Federal University (Series: Pedagogics. Psychology. Philosophy)” and did not participate in the editorial review of this article. The authors are unaware of any other potential conflicts of interest related to this manuscript.

Поступила в редакцию / Submitted 17.08.2026

Поступила после рецензирования / Revised 19.08.2026

Принята к публикации / Accepted 21.09.2026